

Я.И. Аров*

«ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ» КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ В ФИЛОСОФИИ В.В. РОЗАНОВА

Автор статьи рассматривает «потенциальное» в текстах В.В. Розанова как структурообразующий принцип и «центральную категорию» всей онто-гносеологической мысли философа. Тезис о «категориальном характере» потенциального подкрепляется обращением исследователя к анализу трудов В.В. Розанова и его корреспонденции, а также историко-философским освещением проблемы «потенциального» в его отношении к «актуальному». Сам термин «категория», как показывает автор, является неоднозначным, поэтому в статье также проводится понятийный анализ данного термина, трактуемого как универсалия, соединяющая в себе различные элементы философской мысли. В заключении автор приходит к выводу о релевантности понятия «категория потенциального» в контексте онто-гносеологической проблематики у В.В. Розанова.

Ключевые слова: В.В. Розанов, русская философия, категория, потенциальное, онтология, гносеология

«The potential» as a central category in Vasily Rozanov's philosophy.
YAROSLAV I. AROV (Moscow Pedagogical State University)

The author of the article considers «the potential» in the texts of Vasily Rozanov as a structure forming principle and the central category of his onto-epistemological thought. The claim of the «categorical nature» of the potential is supported by the author's analysis of the works and correspondence of Rozanov, as well as by tracing how the problem of the potential and the actual was treated in the context of the history of philosophy. The term «category», as the article shows, is ambiguous, therefore, the author also provides a conceptual analysis of it. It is concluded that the concept of «category of the potential» is of high relevance in the context of onto-epistemological issues in Vasily Rozanov's works.

Keywords: Vasily Rozanov, Russian philosophy, category, the potential, ontology, epistemology

Исследованию «потенциальности» и ее места в творчестве одного из виднейших представителей русской религиозно-философской мысли Василия Васильевича Розанова посвящены множество статей, диссертаций и монографий [3; 16; 17; 18]. В этих работах «потенциаль-

ность» справедливо рассматривается как один из важнейших принципов розановский философии, базирующихся на переработке аристотелевской идеи акто-потенциальных отношений и шеллингианской трактовки потенций как совокупности трех состояний (или степеней)

* АРОВ Ярослав Игоревич, аспирант кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

E-mail: vsedur@gmail.com

© Аров Я.И., 2022

бытия: бытия-долженствования, небытия – долженствования и срединного состояния между бытием и небытием [7, с. 22]. Образованная в результате таких модуляций троичная схема потенций перерабатывается Розановым в собственную типологическую структуру с пятью формами «потенциальности», содержащей: 1. материально-определенные потенции; 2. материально-неопределенные потенции; 3. идеально-неопределенные потенции; 4. идеально-определенные потенции; 5. предыдеальные потенции [15, с. 146]. Эти формы закрепляют движение потенций от чисто-материального субстрата к его идеальному и предыдеальному истокам – к образцам конкретных предметов, данных, например, в образе мысли художника, воплощенном им в статуе [15, с. 146]; к условиям бытия этих конкретных предметов (наличие определенного пространства и места для этой статуи) [15, с. 146]; наконец, к общему источнику форм, к кантовским *a priori*, предсуществующим всякому познанию материальной и формальной субстанций.

Эта классификация потенций, данная в трактате «О понимании» (1886), в дальнейшем становится краеугольным камнем всей религиозно-философской мысли Розанова. Косвенно это подтверждается и самим философом в письме к Э.Ф. Голлербаху от 8 августа 1918 г., где он констатирует: «Невозможно в сущности ничего понять у меня, понять и во мне, не прочитав и не усвоив двух первых глав О понимании, “О сторонах существующего и схемах разума” и “О принципе потенциальности”» [14, с. 355]. Упоминание в одном контексте «схем разума» и «принципа потенциальности» натолкнуло меня на мысль, что «потенциальное», возможно, было не только структурообразующим принципом, но и базовой категорией розановской «теории мышления», поскольку само движение мысли усматривалось им именно как некая незавершенность. Но той же самой незавершенностью обладает любая потенция в силу того, что она есть только потенция, а не актуально существующее. В данной статье я постараюсь доказать релевантность трактовки «потенциального» у В.В. Розанова как особой «категории», центральной для онтологической и гносеологической проблематики его философской мысли.

«Категорический» характер «принципа потенциальности» подтверждается уже самим подходом философа к мышлению: Розанов,

если говорить о «зрелом периоде» (поскольку в «ранний период» философ ориентируется на «строгую» классическую немецкую философию), оперирует не понятиями, а «получувствами-полумыслями» [9, с. 85], то есть потенциальными, еще не актуализированными мыслями и потенциальными, еще не актуализированными чувствами. Возможно проследить эволюцию от «Розанова-рационалиста» к «Розанову-сенсуалисту», когда «все, что представлено в разуме, представлено и в чувствах», но данная задача не входит в мои планы. Замечу только, что этот условно «сенсуалистический поворот» не был совершенно внезапным: в трактате «О понимании» уже фиксируется тезис о невозможности с помощью декартовского *cogito* познать сущность феноменального мира – в нем всегда остается тайна [15, с. 66]. А поскольку в основе данной нам реальности «может лежать нечто ... иррациональное, совершенно непостижимое, как бы бессмысленное», значение разума ограничивается только «попыткой» что-либо «помыслить» и «постичь» [15, с. 66].

Таким образом, мысль как «живой поток», не имеющий конечной, фиксированной точки, наделяется онтологическим статусом. В интервью К.И. Чуковскому и П.Б. Струве на вопрос «Сколько можно иметь мнений, мыслей о предмете?» Розанов отвечает: «Сколько угодно... Сколько есть “мыслей” в самом предмете: ибо нет предмета без мысли, и иногда – без множества в себе мыслей» [12]. То есть кроме мыслительной деятельности самого мыслящего субъекта уже в самом предмете, в том числе материальном, существует мысль. В определенный момент потенции разума могут сфокусироваться на этой «мысли предмета» (иначе невозможно было бы в принципе познать хоть какие-то его стороны), но этот момент «фокусировки», по Розанову, имеет скорее суммирующий разнообразие потенции характер, а не их конечную единую актуализацию, поскольку «когда я “кнаружи” засыпаю, – и наступают те “несколько минут”, когда вдруг “сто убеждений” сложатся об одном предмете» [12]. Сложение убеждений с учетом розановского тезиса «сколько угодно мыслей» сильно релятивизирует сферу познания, поэтому его обращение к «потенциальности» является единственным вариантом для сохранения какой-либо системы мышления.

Легко заметить, что подобный подход отличается от классического, где категории мышле-

ния действительно фиксируют некие константы. Так, у Канта «категории суть всеобщие и необходимые операции, благодаря которым формируются все рациональные содержания нашего духа» [2, с. 367], они позволяют фиксировать эмпирические явления [2, с. 369]. Ориентируясь на формальную логику, Кант выводит свои категории из субъектно-предикатных отношений, пропозиций, характерных для четко детерминированных суждений.

Ничего подобного у Розанова, разумеется, нет. Даже в трактате «О понимании», самом логически-стройном произведении философа, среди всевозможных схем и определений встречаются отрывки, убеждающие читателя, что в общем-то в мире господствует Тайна, которую не познать. Не говоря уже о более поздних текстах. Это будто бы свидетельствует против категорий у Розанова вообще. Однако, мне кажется важным сохранить это понятие в силу специфического для философа отношения к мыслительной деятельности как суммирующей телесные ощущения и их ментальные репрезентации. Кроме того, само понятие «категория» не является столь однозначным, чтобы с легкостью «отбросить» его [6].

Так, словарное определение категорий в философии дает чрезвычайно широкое поле для спекуляций. Например, в «Новой философской энциклопедии» категории определяются как «фундаментальные понятия, формы мысли, типы связи субъекта и предиката в суждении, устойчивые способы предикцирования, существующие в языке, составляющие условия возможности опытного знания и имеющие априорное значение в качестве универсалий и предельных понятий» [11]. По ряду признаков «потенциальное» у Розанова действительно является скорее категорией, чем просто принципом, поскольку, во-первых, является крайне общим и фундаментальным понятием, во-вторых, характеризует связи в суждениях как потенции разума, в-третьих, имеет универсальное значение для всей розановской мысли (о чем, как я заметил выше, упоминает сам философ).

Подход к мышлению как к недетерминированной деятельности потенций разума не был, конечно, абсолютно новаторским и в том или ином виде встречается в философской традиции, например, в «Опытах» Монтеня или в «Мыслях» Паскаля. О схожести этих философских произведений – и содержательной, и формальной – с произведениями Розанова давно

известно [19, с. 19]. Также нет ничего необычного в пересмотре классических понятий, освященных традицией. В свое время К. Лоренц уже наделял а priori Канта эволюционно-обусловленным статусом [8, с. 15–41]. В какой-то степени Розанов действует аналогично с кантовскими категориями, переводя их из сферы четко детерминированных рассудочных операций в сферу потенциально изменчивых «мыслей о предмете».

Для Розанова, «потенциальное» – это «ключ к разумению всего – мира, жизни и человеческой деятельности» [13, с. 368]. Онтологизация потенций представлена у философа в виде актуализации «потенциального», как вектор, заданный от возможного к действительному [15, с. 147]. Эта «осуществленность в действительности» коррелирует с тремя формами существования потенций: 1. Потенциальное, существующее только как потенциальное. 2. Потенциальное, реализованное в актуальном. 3. «Образующееся» потенциальное (то, что находится в процессе становления и когда-то станет актуальным) [15, с. 147].

Заметно, что данная типология оперирует понятиями конечной цели (реализации), аристотелевской целевой причины. Движение «потенциального» рассматривается как телеологический процесс не случайно. Это позволяет Розанову, по сути, уравнивать действительное и возможное, поскольку действительное когда-то было возможным, а не действительным. Для него и акт и потенция, таким образом, одинаково существуют [15, с. 143].

От онтологизации потенциального Розанов переходит к рассмотрению гносеологической проблематики актов познания, которые, как и любые актуальные процессы, имеют собственные потенции, в контексте теории познания – потенции разума. Сам по себе разум для Розанова «есть потенция, в которой предустановлены формы понимания, материал для которого дается внешним миром, и обладающая скрытой жизненностью, состоящей в стремлении и в способности образовывать это понимание» [15, с. 53]. Характеризуя разум как потенцию и источник «предустановленных форм», Розанов апеллирует к Аристотелю, описывая гносеологическую динамику перехода от осознания разумом цельности самого себя к осознанию конкретных идей, составляющих эту цельность [15, с. 58]. Это идеи «о существовании, о сущности, об атрибутах, о причинности, о целесообраз-

ности и т.д.» [15, с. 60], вычленяемые посредством апперцептивной деятельности разумного субъекта. Данная схема апперцептивного познания, подчиняющегося «предустановленным формам» разума, весьма актуальна и в современном мире, например, в когнитивной науке, где любая апперцепция ограничена внутренними структурами познающего нейронного аппарата [10, с. 48].

Дальнейший анализ схем разума в трактате «О понимании» приводит Розанов к уточнению понятия «разум», к его окончательной «потенциализации»: «Разум есть потенция, состоящая из потенций идеи существования, состоящей в чистой способности образовывать эту идею, и из сходящихся к ней, как к центру, схем понимания, представляющих собою потенции, обладающие скрытой жизненностью, которая пробуждается с принятием первого впечатления этим центром и обнаруживается в чистом стремлении и в чистой способности образовывать идеи, соответствующие сторонам существующего и в своем сочетании содержащее полное понимание его» [15, с. 62]. Как видим, и сам разум, и его идеи, и их понимание представляют собой потенции, что еще раз приводит к мысли о категориальной (а именно задающей структуру, форму мышления) сущности «потенциального».

«Потенциальное» не было категорией у Аристотеля, на которого Розанов ориентировался как на идейного вдохновителя собственных философских поисков, хотя все категории, выделенные им в «Органоне», разворачивались путем дихотомии акта-потенции: например, категория движения (потенциальное движение и совершенное движение). Определяя потенциальное как «бесформенную возможность», материальную причину, Аристотель онтологизировал акт-энтелехию (само понятие «энтелехия» у Аристотеля имеет множество значений [4]), наделив ее статусом формы, «индивидуирующей» материальный субстрат [1, с. 351]. Розанов исходит из прямо противоположного тезиса: действительное является не первичным по отношению к возможному, наоборот, «предустановленные формы» разума, как я заметил выше, кроются в его потенциях, а само действительное экстраполируется в реальности как осуществление этих заложенных в потенциях форм.

Само собой, эта «рокировка» акта-потенциальных отношений не была радикальным

новшеством. Эволюция философской мысли на протяжении античности, Средневековья, эпохи Возрождения, Нового времени внесла свои коррективы в «освященную веками» традицию, и уже у Шеллинга «потенциальное» обладает вполне онтологическим статусом [5, с. 205], характером «божественных потенций» [20, с. 289–293]. Понимание «потенциального» как «корня» бытия вещей характерно также для многих других мыслителей самых разных исторических эпох и философских школ, таких как Плотин, Николай Кузанский, Лейбниц и целая плеяда представителей романтизма [18, с. 53].

Розанов, ориентируясь на эту традицию, рассматривает «потенциальное» не только через призму онтологии, но также и в контексте гносеологической проблематики. От Аристотеля он заимствует терминологию, от Шеллинга – его учение о потенциях как базовых онтологических понятиях, от Лейбница – «предустановленную гармонию», которая трактуется им в перипатетическом духе как «форма мышления» и «принцип индивидуации». Все эти эклектические элементы соединены между собой в единую систему различных схем, типологий и классификаций. Онтологический и гносеологический характер отношения потенций разума к потенциям идей и потенциям вещей посредством их перцепции и апперцепции позволяет рассматривать «потенциальное» в качестве главного принципа и «центральной категории» всей философской мысли В.В. Розанова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
2. Богатырев Д.К. Кант // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. № 3. С. 362–375.
3. Болдырев Н.Ф. Семья Озириса, или Василий Розанов как последний ветхозаветный пророк. Челябинск: Урал ЛТД, 2001.
4. Бородай Т.Ю. Энтелехия // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iphras.ru/elib/3549.html>
5. Гайденок П.П. Гностические мотивы в учениях Шеллинга и Вл. Соловьева // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 202–207.
6. Гарипов Р.К. О разных подходах к определению понятия категории // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 3. С. 735–738.
7. Дадашев М.Б., Лукьянов А.В. Духовная культура в свете учения Ф.В.И. Шеллинга о

«потенциях» или духовно-исторических силах современности // Вестник Омского государственного университета. 2013. № 1. С. 22–27.

8. Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание / Под ред. И.П. Меркулова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 15–41.

9. Мелихов Г.В. Чуть в сторону, но все в направлении к Василию Розанову: философия частного образа мыслей // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 2. С. 83–95.

10. Меркулов И.П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). Т. 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2006.

11. Огурцов А.П. Категории // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH7c502f11983e819124187c>

12. Розанов В.В. Литературные и политические афоризмы (Ответ К.И. Чуковскому и П.Б. Струве). URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_literaturnye_i_politicheskie.html

13. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 13. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001.

14. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 17. В нашей смуте (Статьи 1908 г.). Письма к Э.Ф. Голлербаху. М.: Республика, 2004.

15. Розанов В.В. Сочинения: О понимании (Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания). М.: Танаис, 1995.

16. Семенюк А.П. Гносеологическая проблематика в трактате «О понимании» В.В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 4. С. 118–121.

17. Семенюк А.П. Проблема понимания в творчестве В.В. Розанова: дис. ... канд. ист. н. Томск, 2002.

18. Семенюк А.П. Учение о потенциальности В.В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. № 1. С. 52–54.

19. Федякин С.Р. Художественная проза Василия Розанова. Жанровые особенности. М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2014.

20. Шеллинг Ф.В.Й. Система мировых эпох: Мюнхенские лекции 1827–1828 гг. в записи Эрнста Ласо. Томск: Водолей, 1999.

REFERENCES

1. Aristotle, 1976. Sochineniya: v 4-kh t. T. 1 [Works in 4 volumes. Vol. 1]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

2. Bogatyrev, D.K., 2017. Kant [Kant], Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, Vol. 18, no. 3, pp. 362–375. (in Russ.)

3. Boldyrev, N.F., 2001. Semya Ozirisa, ili Vasilii Rozanov kak poslednii vetkhozavetnyi prorok [Seed of Osiris, or Vasily Rozanov as the last Old Testament prophet]. Chelyabinsk: Ural LTD. (in Russ.)

4. Borodai, T.Yu. Entelekhiya [Entelechy]. URL: <http://iphras.ru/elib/3549.html> (in Russ.)

5. Gaidenko, P.P., 2005. Gnosticheskie motivy v ucheniyakh Shellinga i V.I. Soloviova [Gnostic motives in the teachings of Schelling and V.I. Solovyov], Znanie. Ponimanie. Umenie, no. 2, pp. 202–207. (in Russ.)

6. Garipov, R.K., 2016. O raznykh podkhodakh k opredeleniyu ponyatiya kategorii [On different approaches to the definition of category], Vestnik Bashkirskogo universiteta, Vol. 21, no. 3, pp. 735–738. (in Russ.)

7. Dadashev, M.B. and Luk'yanov, A.V., 2013. Dukhovnaya kul'tura v svete ucheniya F.V.I. Shellinga o «potentsiyakh» ili dukhovno-istoricheskikh silakh sovremennosti [Spiritual culture in the light of Schelling's teaching about «potencies» or spiritual and historical forces of our time], Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 1, pp. 22–27. (in Russ.)

8. Lorenz, K., 2000. Kantovskaya kontseptsiya a priori v svete sovremennoi biologii [Kant's doctrine of the a priori in the light of contemporary biology]. In: Merkulov, I.P. ed., 2000. Evolyutsiya. Yazyk. Poznanie. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, pp. 15–41. (in Russ.)

9. Melikhov, G.V., 2007. Chut' v storonu, no vse v napravlenii k Vasiliyu Rozanovu: filosofiya chastnogo obraza myslei [Slightly to the side, but still towards Vasily Rozanov: the philosophy of a private way of thinking], Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya «Filosofiya. Filologiya», no. 2, pp. 83–95. (in Russ.)

10. Merkulov, I.P., 2006. Epistemologiya (kognitivno-evolyutsionnyi podkhod). T. 2 [Epistemology (cognitive-evolutionary approach). Vol. 2]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RKhGA. (in Russ.)

11. Ogurtsov, A.P. Kategorii [Categories]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH7c502f11983e819124187c> (in Russ.)

12. Rozanov, V.V. Literaturnye i politicheskie aforizmy (Otvet K.I. Chukovskomu i P.B. Struve) [Literary and political aphorisms (Response to K.I. Chukovsky and P.B. Struve)]. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_literaturnye_i_politicheskie.html (in Russ.)
13. Rozanov, V.V., 2001. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 13. Literaturnye izgnanniki: N.N. Strakhov, K.N. Leont'ev [Collected works: in 30 volumes. Vol. 13. Literary exiles: Nikolay Strakhov, Konstantin Leontiev]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
14. Rozanov, V.V., 2004. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 17. V nashei smute (Stat'i 1908 g.). Pis'ma k E.F. Gollerbakh [Collected works: in 30 volumes. Vol. 17. In our turmoil (Articles of 1908). Letters to E.F. Hollerbach]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
15. Rozanov, V.V., 1995. Sochineniya: O ponimani (Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroeniya nauki kak tsel'nogo znaniya) [On understanding: Essay on the study of nature, the boundaries and inner structure of science as an integral knowledge]. Moskva: Tanais. (in Russ.)
16. Semenyuk, A.P., 2014. Gnoseologicheskaya problematika v traktate «O ponimani» V.V. Rozanova [Gnoseological problems in Vasily Rozanov's treatise «On understanding»], Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova, no. 4, pp. 118–121. (in Russ.)
17. Semenyuk, A.P., 2002. Problema ponimaniya v tvorchestve V.V. Rozanova [The issue of understanding in the works of Vasily Rozanov], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Tomsk. (in Russ.)
18. Semenyuk, A.P., 2013. Uchenie o potentsial'nosti V.V. Rozanova [Vasily Rozanov's doctrine of potentiality], Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova, no. 1, pp. 52–54. (in Russ.)
19. Fedyakin, S.R., 2014. Khudozhestvennaya proza Vasiliya Rozanova. Zhanrovye osobennosti [Fictional prose of Vasily Rozanov. The features of the genre]. Moskva: Lit. in-t im. A.M. Gor'kogo. (in Russ.)
20. Schelling, F.W.J., 1999. Sistema mirovykh epokh: Myunkhenskie lektsii 1827–1828 gg. v zapisi Erista Laso [The system of world epochs: The 1827–1828 Munich lectures recorded by Ernest Lassor]. Tomsk: Vodolei. (in Russ.)

